

УДК 347.963

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ЕСТЬ!..

(дело Ходоса А.М.)

*Ф.Н. Багаутдинов, доктор юридических наук,
член-корреспондент АН РТ*

Могут ли прокурора посадить за плохое исполнение своих служебных обязанностей?! Многие, наверное, скажут – нет. Мол, ущерба, вреда ведь вроде нет. Но бывают случаи, когда в результате ненадлежащего прокурорского надзора (как правило – его отсутствия) грубо нарушаются права граждан – арестовываются и осуждаются невинные, то есть те, кто не совершал преступления. Они сидят в неволе годами. А если кого-то по ошибке расстреляли? Куда же смотрел прокурор? Он ведь мог остановить беззаконие, пресечь произвол. Но он этого не сделал, значит, он совершил преступление! Такое преступление совершил и прокурор отдела прокуратуры Татарской АССР А.М. Ходос. Расскажем об этом деле более подробно.

Ходос Арон Мордухович родился в 1917 году в Минске в семье рабочего-красильщика. В 1934 году окончил 8 классов школы и поступил на работу в электропром – электромонтером-учеником. Проработал здесь до 1937 года, затем перешел электромонтером в медицинский институт, одновременно учился в вечерней рабочей школе для взрослых. Член ВЛКСМ с 1938 года. Окончив школу в 1939 году, Ходос поступил в Минский юридический институт, был отличником и, согласно постановлению СНК СССР, получал стипендию. Окончил два курса, учился хорошо, в весеннюю сессию

1941 года по всем предметам получил отличные оценки, по немецкому языку – хорошо.

Началась война. 24 июня 1941 года, дом, в котором проживала семья Ходосов, был уничтожен. Мать Ходоса погибла в Минске. Потеряв во время эвакуации жену с ребенком, он оказался в Казани. Здесь у него никого не было – ни знакомых, ни родных.

29 августа 1941 года Ходос обратился к директору Казанского юридического института с заявлением о зачислении его студентом 3 курса, а также попросил предоставить место для жительства. В анкете при поступлении в институт он указал, что имеет профессию и специальность рабочего-электромонтера, выполнял также и профсоюзную работу. По приказу директора Ходос был зачислен студентом Казанского юридического института.

В заявлении от 1 октября 1941 года на имя директора института Горбачева Ходос просил зачислить его на стипендию и освободить от платы за обучение за неимением материальных средств, указывая при этом, что его отец, химик-технолог красильного комбината, с 23 июня 1942 года находится в действующей армии.

Слова Ходоса (что он был в Минске отличником и получал государственную стипендию) подтвердил бывший ассистент Минского юридического института, а ныне помощник

прокурора Агрызского района Резник. Директор института Горбачев удовлетворил просьбу Ходоса и включил его в список на получение стипендии.

Впоследствии семья Ходоса нашла и тоже переехала в Казань. Ходос учился в юридическом институте и одновременно работал монтером в гарнизонно-жилищной части Казанского гарнизона. Практику он проходил в июне 1942 года в нарсуде 1 участка Бауманского района города Казани.

Ходос окончил институт в августе 1942 года, с оценками «отлично» и «хорошо». Директор института Горбачев дает ему положительную характеристику. В августе 1942 года Ходос устраивается на работу в прокуратуру ТАССР – помощником прокурора Кировского района г. Казани¹.

Как отметил прокурор республики Ардерихин в характеристике, работая в Кировском районе, Ходос проявил себя как энергичный, растущий, квалифицированный работник. Во время отсутствия прокурора района Ходос успешно исполнял его обязанности. И вывод Ардерихина: Ходос заслуживает выдвижения на самостоятельную работу прокурором района.

Ходос быстро продвигался по служебной лестнице. В июле 1944 года его назначают прокурором уголовно-судебного отдела прокуратуры ТАССР, а в августе 1944 года переводят прокурором отдела общего надзора. Прокурор республики Садовников также был хорошего мнения о Ходосе и считал его одним из лучших помощников прокурора г. Казани, который был выдвинут в центральный аппарат.

В декабре 1944 года Садовников объявляет Ходосу благодарность. «Сильный и растущий прокурорский работник», «своей энергичной и добросовестной работой добился положительных результатов» – это все о нем, о Ходосе.

Но в июле 1945 года начальник отдела общего надзора прокуратуры ТАССР Ахияров представил прокурору республики Садовникову докладную записку о нарушениях Ходосом служебной дисциплины. Из докладной записки следует, что Ходос не выполнил ряд плановых заданий и поручений, «заволокитил» 25 материалов и т.д. По мнению Ахиярова, Ходос «к работе относится легкомысленно, не подходит к разрешению вопросов по-государственному и по-партийному. Всегда исходит из своих личных интересов. Шумит много, а черновую работу выполнять не хочет, увлекается хозяйственной работой, на что теряет 30% рабочего времени». Ахияров также указал, что Ходос увлекается работой, не относящейся к общему надзору. По словам Ахиярова, если начинаешь требовать от Ходоса выполнения плановых заданий и поручений, то он заявляет: «на меня не нажимайте, иначе добьюсь бюллетеня и не выйду на работу».

В результате этого конфликта по личной просьбе Ходоса в августе 1946 года его переводят прокурором отдела по надзору за органами милиции.

В феврале 1947 года Ходос получает выговор за то, что он «позорно сорвал» предоставление отчетного доклада о работе прокуратуры Татарской АССР по борьбе со спекуляцией за декабрь 1946 года, что вызвало справедливое замечание прокурора РСФСР. Правда, не прошло и четырех месяцев, как прокурор республики Надеев снял этот выговор.

22 августа 1947 года Ходос получает очередное дисциплинарное наказание – строгий выговор за явку с опозданием из очередного отпуска.

12 сентября 1947 года Ходосу указано на беспечное отношение к охране дел и документов – за то, что он, уходя в суд, оставил на столе следственно-арестантское дело, поступив-

шее из МВД, и не запер дверь. В этот период Ходос исполнял обязанности и.о. начальника отдела по надзору за милицией.

15 апреля 1948 строгий выговор (за опоздание из отпуска) с Ходоса был снят.

В июне 1948 года прокурор республики Надеев направляет в прокуратуру РСФСР представление на присвоение Ходосу классного чина – младшего советника юстиции. Причем, тогда Ходос был только юристом 2-го класса, и Надеев решил представить его сразу к младшему советнику юстиции, перескочив через классный чин юриста 1-го класса. Однако Москва не оценила выдающихся заслуг Ходоса, и ему был присвоен классный чин юриста 1-го класса².

На партийном собрании 31 октября 1947 года прокурор республики Надеев охарактеризовал Ходоса как опытного, растущего работника. И в целом, по воспоминаниям ветерана органов прокуратуры Б.Л. Железнова, к Ходосу Надеев относился очень хорошо.

Ходос хорошо себя проявил и в качестве государственного обвинителя. На рубеже 50-х годов в Верховном суде Татарской АССР судили группу сотрудников правоохранительных органов за провокационную деятельность по организации преступлений. Сотрудники милиции изобрели интересную схему раскрытия преступлений. Они внедряли в преступную группу своего человека, и тот подбивал «корешей» на преступления, в том числе и на убийства с ограблением. В милиции определяли «жертву», место и время нападения. У «жертвы» дома устраивали засаду. Когда преступники врывались в дом и пытались напасть на хозяина (а он был в курсе происходящего), высказывали оперативники и открывали огонь на поражение. Кто успевал выскочить

во двор, его добивали там. Ветеран органов прокуратуры Самосов Н.М., учившийся тогда на последнем курсе института, вспоминает, что они иногда посещали судебные заседания по этому делу. Обвинение поддерживал Ходос. Самосов хорошо помнит, как государственный обвинитель метал громы и молнии в адрес подсудимых³.

Ходос, по воспоминаниям бывших коллег, был громкоголосым, шумным человеком, слегка заикался. В прокуратуре его называли Ароном Марковичем. Неглупый, доброжелательный, контактный, он отличался «простецким» стилем общения. Он был как бы «душой компании», со всеми на короткой ноге, всем друг. Любил рассказывать анекдоты. Обычная его приписка: «Шумим, братцы, шумим!». «Свойский парень» – так, наверное, можно было бы охарактеризовать его в целом. Так же он вел себя и по отношению к работникам милиции.

По показаниям коллег, прокурорских работников, допрошенных во время следствия, Ходос был начитанным, развитым, юридически грамотным. Он быстро включался в расследование, активно участвовал в нем. В то же время коллеги отмечали и его отрицательные черты: Ходос часто отлучался с работы, относился к сотрудникам ОББ и ОУР панибратски, называл их всех по имени, всегда хвалил работу отдела. Отношения Ходоса и сотрудников ОББ один из допрошенных охарактеризовал словом: «семейственность». Также коллеги отмечали, что к услугам Ходоса всегда была готова автомашина от ОББ.

Приказом Генерального прокурора СССР от 7 февраля 1950 года заместитель прокурора республики Ривкин А.А. и прокурор отдела Ходос были сняты с работы.

17 апреля 1950 года на партийном собрании прокуратуры ТАССР рассматривалось персональное дело А.М.

Ходоса. Решение было вынесено жесткое и однозначное: за допущение незаконных методов расследования уголовных дел в органах МВД ТАССР, за содействие фальсификации дел против невинных лиц по обвинению их в бандитизме исключить Ходоса из рядов ВКП(б). К этому времени он уже находился под стражей.

На партийном собрании 17 апреля 1950 года начальник отдела по надзору за органами милиции Вагазов отметил, что в прокуратуре имели место подхалимство и угодничество, которые поддерживались руководством. В качестве примера он привел и Ходоса, который угодничал перед руководством и получил премию. В решении этого партийного собрания фамилия Ходоса было названо в списке недобросовестных, сомнительных работников и подхалимов, которых поддерживал бывший прокурор республики Надеев и которые не были своевременно разоблачены и не получили соответствующей оценки со стороны партийной организации.

Следует отметить, что прокурор республики Надеев и его заместитель Ривкин не явились на это партийное собрание, хотя и были специально приглашены.

5 мая 1950 года партбюро прокуратуры ТАССР утвердило характеристику на Ходоса А.М. – для его уголовного дела. В характеристике в сжатой форме была дана следующая оценка деловых, профессиональных и личных качеств прокурора Ходоса:

«За время работы в аппарате прокуратуры ТАССР показал себя с отрицательной стороны, к исполнению своих служебных обязанностей относился недобросовестно, к решению вопросов подходил поверхностно, в связи с чем подвергался взысканиям в дисциплинарном порядке. В отношениях с работниками поднадзорных органов проявлял семейственность.

Над повышением своего идейно-политического уровня и деловой квалификации не работал. Поступив в Университет марксизма-ленинизма, учебного плана не выполнял, в связи с чем из числа студентов такового был отчислен.

На критику недостатков в его работе и поведении реагировал болезненно, в то же время проявлял чрезмерную услужливость, граничащую с подхалимством, особенно перед руководством прокуратуры ТАССР, а к товарищам, равным по работе, относился пренебрежительно.

Имел склонность к использованию своего служебного положения в личных интересах, что особенно проявлялось в период ремонта и благоустройства купленной им осенью 1948 года части дома в городе Казани.

По своим политическим и деловым качествам Ходос оказался непригодным для работы в органах прокуратуры, в связи с чем он с занимаемой должности был снят, Генеральным прокурором СССР отчислен из органов прокуратуры и партийным собранием исключен из членов ВКП(б)»⁴.

25 апреля 1950 года, отвечая на устный запрос заместителя прокурора Татарской АССР, военный прокурор 4 отдела ВП В/МВД СССР Черкасов представил следующую информацию по уголовному делу А.М.Ходоса: «На Ваш устный запрос сообщаю, что бывший прокурор отдела прокуратуры ТАССР по надзору за органами милиции Ходос Арон Мордухович привлечен к ответственности по ст. 109 УК РСФСР. Он обвиняется в том, что работая с 1945 по 1950 годы прокурором отдела по надзору за органами милиции, не выполнял возложенные на него законом обязанности и злоупотреблял своим служебным положением.

Как установлено следствием, в течение 1946–1949 годов в органах ОББ

и ОУР УМ МВД Татарской АССР, надзор за которыми осуществлял Ходос, фальсифицировались уголовные дела, допускались незаконные методы ведения следствия, как-то: угрозы, избиения и провокации, необоснованно подвергались задержаниям и арестам отдельные свидетели, от которых работники МВД добивались дачи ими ложных показаний и т.п., в результате чего безвинно осуждались лица, которые либо вообще не совершали никаких преступлений, либо совершали не те преступления, которые им вменялись в вину.

Имея об этом сигналы, Ходос не принимал меры к прекращению грубых нарушений социалистической законности, допущенных отдельными работниками ОББ и ОУР и, более того, в своей практической работе сам допускал незаконные методы ведения следствия (угрозы, запугивания и избиения). Виновным себя признал частично. Следствие в отношении Ходоса продолжается».

Указанная информация в самой общей форме представляла собой содержание обвинения, предъявленного Ходосу.

В любом повествовании, как правило, встречаются антигерой и положительный герой. Про первого мы уже кое-что рассказали. Пора перейти если не к главному, то важному, притом положительному герою в этой истории.

Заместителем прокурора Татарской АССР по общим вопросам в апреле 1949 года был назначен Березов Михаил Ильич. Он родился в 1908 году, происходил из крестьян. Являлся членом партии с 1938 года. В 1929–1931 годах работал судьей, с 1931 года – в органах прокуратуры. Был помощником прокурора города Ростова, прокурором города Шахты. Во время Великой Отечественной войны в 1941–1942 годах Березов работал

военным прокурором Шахтинского гарнизона, в 1942–1943 годах находился в составе оперативной группы прокуратуры СССР на Южном фронте. Перед назначением в город Казань Березов работал прокурором города Таганрога и учился в заочном юридическом институте. Был награжден орденом Трудового Красного знамени, медалями.

Как было указано в его характеристике, Березов имел большой опыт руководящей прокурорской работы, работал прокурором в крупных промышленных городах, показал себя политически выдержанным, принципиальным, оперативным и инициативным прокурорским работником, принимал активное участие в общественно-политической работе.

Пути Ходоса и Березова пересеклись, а если быть точнее, столкнулись в известном уголовном деле по банде Кормакова. Об этом деле имеется достаточно подробная публикация, подготовленная М.В.Беляевым (в прошлом – следователь, в настоящее время – судья, заместитель председателя Верховного суда Республики Татарстан). Приведем выдержки из этой публикации, относящиеся к теме нашего исследования:

«Осенью 1949 года предполагаемые бандиты втроем прогуливались по мосту через Казанку. Преступлений в тот вечер они не планировали, поэтому были безоружны, не считая служебного револьвера «Кормы» (Кормакова). В районе Кремля бандиты из баловства стали приставать к попавшейся им навстречу учительнице. Даже попытались отнять у нее сумочку, в которой лежала смешная для их волчьего аппетита и послевоенного времени сумма – 100 рублей.

Подъехавшему патрульному наряду Кормаков и его поделельники хотели представить ограбление женщины как неудачную шутку. На обнаруженный

в ходе личного досмотра табельный «наган» «Корма», как начальник фабричной ВОХР, имел вполне официальное разрешение. Однако милиционеры все же доставили задержанных в камеру предварительного заключения.

Первоначально расследование данного дела было поручено следователю отдела по борьбе с бандитизмом МВД Татарской АССР. Каждого из задержанных он допрашивал по отдельности. На восьмом допросе Кормаков пришел в ярость от назойливых вопросов следователя. «Пахан» сорвался и заявил: «Вы достали меня!», а затем сник и неожиданно добавил: «Я расскажу, как все было!». Раскрывшись, «Корма» поведал о нескольких преступлениях, совершенных бандой за последние два года. Задержанный описал места преступлений, назвал потерпевших и подробно рассказал о похищенном у них имуществе. Следователь тщательно заполнил протокол допроса Кормакова. Петелин и Бабаев упрямо молчали, даже не догадываясь, что их хладнокровный «пахан» уже дает избобличающие себя и подельников показания.

В то же время на прием к исполняющему обязанности прокурора Татарии Михаилу Березову пришел гражданин, проживавший в районе Чеховского рынка Казани. Взволнованный мужчина сообщил, что отмечал ноябрьские праздники со своим соседом, который работает следователем в ОББ и ведет «дело Кормакова». Расслабившись после совместного употребления алкоголя, милиционер рассказал о том, что ему удалось «расколоть» задержанного на целую серию убийств, совершенных в Казани в последние годы. Окрыленный победой, сыщик сразу же занес протокол допроса главаря банды своему начальнику.

Ознакомившись с чистосердечным признанием, руководитель ОББ Тата-

рии неожиданно заявил следователю: «Ты сам подписал себе приговор!», напомнив, что за многие преступления Кормакова уже осуждены конкретные люди, которые ранее сознались в содеянном. Разгневанный начальник велел коменданту МВД лично доставить к нему «Корму», пояснив следственно-арестованному, что тот зря берет на себя «чужие» грехи и проявляет ненужный «героизм». Сто раз пожалевший о своем признании Кормаков предложил уничтожить явку с повинной, что было немедленно сделано начальником ОББ. Ликвидация столь ценного протокола практически гарантировала Кормакову и остальным членам банды выход на свободу!

Завершая свой шокирующий рассказ о злоупотреблениях в ОББ, бдительный гражданин добавил, что за ограбление заведующего пивным ларьком ранее был незаконно осужден его племянник. Пообещав разобраться в сложившейся ситуации, прокурор попрощался с заявителем, попросив его до поры держать язык за зубами...

...Сразу после ухода посетителя Березов дал указание немедленно изъять скандальное уголовное дело из ОББ МВД ТАССР и передать его для дальнейшего расследования в республиканскую прокуратуру.

Готовившиеся к освобождению Кормаков, Петелин и Бабаев в срочном порядке были переведены во внутренний изолятор КГБ. Последующее расследование было поручено старшим следователям прокуратуры ТАССР Бакланову и Губерману, которым с большим трудом удалось вернуть Кормакова к прежнему признательным показаниям. Великий и ужасный «Корма» даже подтвердил их на очных ставках с Петелиным и Бабаевым. При обысках удалось изъять весь арсенал оружия банды. Узнав об этом, Петелин пытался выкрутиться, сочинив невероятную историю

о том, что купил пистолет «ТТ» для того, чтобы из него охотиться на волков!

В конце концов, деморализованные поведением «пахана» и подавленные собранными против них уликами, подельники вынужденно признались в своих злодеяниях. Вскоре было арестовано ближайшее окружение «кормаковцев». Оказалось, что банда состояла почти из двух десятков человек!..

...Поскольку дело банды Кормакова имело особое значение, для надзора за ним выехала бригада прокуроров из Москвы. На допросах «кормаковцев» лично присутствовали помощники Генерального прокурора СССР Бардин и Бутов.

31 августа 1950 года прокурор Татари Степан Бекедов утвердил обвинительное заключение, передав дело военному трибуналу, ввиду того, что среди потерпевших были и военнослужащие Советской Армии. В сентябре того же года Кормаков и 17 его подельников предстали перед правосудием...

Бандитов признали виновными в том, что в период 1945–1949 гг. они совершили 22 грабежа и 33 квартирные кражи. В результате вооруженных нападений было ранено 14 человек, в том числе три милиционера. Убито 22 человека, из которых трое были милиционерами, а один – солдатом Советской Армии...

Из текста приговора: «Именем Союза Советских Социалистических Республик, в 1950 году, октября 23 и 24 дня, Военный трибунал Приволжского военного округа в закрытом судебном заседании в городе Казани рассмотрел дело и приговорил: Кормакова Василия Александровича, Петелина Петра Михайловича и Бабаева Алексея Михайловича подвергнуть высшей мере наказания – расстрелу, конфисковав все имущество осуж-

денных. Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит».

Остальные участники банды Кормакова получили от 15 до 25 лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества и пятилетним поражением в гражданских правах.

После оглашения приговора Петелин в ярости пообещал перегрызть глотку судьям и тюремным надзирателям, а содержащийся в одиночной камере Кормаков стал готовить побег. К чести оперативников Казанского следственного изолятора №1, планам приговоренных к смерти было не суждено сбыться. 5 февраля 1951 года Кормаков, Петелин и Бабаев были расстреляны⁵.

Об одном важном нюансе судебного процесса по банде Кормакова напомнил бывший сотрудник органов прокуратуры, профессор Б.Л.Железнов. Кормаков и его подельники по ст. 58 УК РСФСР привлекались как за контрреволюционные преступления, хотя на самом деле нападения и ограбления совершались преступниками в основном в корыстных целях, а убивали они либо с целью завладения оружием, либо при попытке задержания. Конечно, контрреволюционных целей преступники не преследовали, но убийства милиционеров были квалифицированы по ст. 58 УК РСФСР, как террористические акты, совершенные в контрреволюционных целях, – видимо, чтобы к преступникам могла быть применена смертная казнь.

Дело в том, что после Великой Отечественной войны в Советском Союзе смертная казнь была отменена. Но спустя некоторое время ее восстановили неопубликованным указом Президиума Верховного Совета СССР в качестве наказания для лиц, осужденных по статье 58 УК РСФСР. И когда шел суд над бандой Кормаков-

ва, преступники еще об этом не знали и надеялись на приговор в виде 25 лет лишения свободы.

Б.Л.Железнов рассказывает, что присутствовал при оглашении приговора бандитам. Председатель трибунала огласил приговор: Кормакова подвергнуть по ст. 58 УК РСФСР смертной казни. Кормаков с недоумением спросил у председательствующего: «Как это понимать? Почему не 25 лет?»

(Ведь суды в тот период – до возвращения смертной казни по ст. 58 – формулировали приговоры следующим образом: «приговорить к смертной казни, но, учитывая Указ ПВС СССР об отмене смертной казни, заменить ее 25 годами лишения свободы». В данном же случае судья ничего не сказал о замене смертной казни 25 годами лишения свободы... Это и вызвало недоумение Кормакова.)

По словам Железнова, после этого вопроса председательствующий, не торопясь, попил водички, разгладил усы и будничным голосом произнес: «Разъясняю, что смертная казнь по ст. 58 УК РСФСР на основании Указа ПВС СССР... восстановлена!» И тогда тройка основных обвиняемых – Кормаков, Петелин, Бабаев – забились в истерику. Их подхватил конвой и увел.

Если обратиться к законодательству, то действительно Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. смертная казнь в мирное время была отменена. Но Указ ПВС СССР от 12 января 1950 г. допустил применение смертной казни к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам. Под эти категории члены банды Кормакова не попадали. Однако действовала еще и секретная директива, согласно которой смертная казнь могла применяться специальными судами (трибуналами) по делам о контрреволюционных преступлениях.

Как следует из архивных документов, Березов сыграл решающую роль в раскрытии преступлений банды Кормакова. Во многом благодаря его принципиальности и настойчивости возмездие настигло виновных, а с невиновных было снято клеймо преступников.

Вскрытые факты беззаконий по уголовным делам относились в основном к 1946–1949 годам. Напомним, что именно с 1946 года прокурором Татарской республики стал Надеев И.С. Неудивительно, что Надеев, его заместитель Ривкин и Ходос всячески старались противодействовать Березову в установлении истины.

13 декабря 1949 года Березов докладывает прокурору республики Надееву о фактах незаконных арестов и осуждений и требует изъять дело по обвинению Кормакова и других у прокурора Ходоса. Березов также предлагает Надееву сообщить об этом в прокуратуру СССР, а также заслушать Ходоса о ходе следствия по делу Кормакова и других.

Надеев отказывается уведомить о случившемся прокуратуру СССР, а лишь проводит заслушивание дела Кормакова и других. Дело было доложено Надееву 18 декабря 1949 года. При этом Березов выдвинул и обосновал свои доводы о незаконном осуждении граждан за преступления, совершенные членами банды Кормакова. В ответ Ходос и Ривкин оспаривали доводы Березова, защищали свои действия и действия работников МВД, утверждая, что ни по одному уголовному делу ошибок нет.

Надеев подвел итог: «Насчет одного дела (Иголина) надо посмотреть, что же касается остальных, то пусть сидят, поскольку они уже осуждены».

На другой день, 19 декабря 1949 года, в 9 часов утра в квартире Березова раздался телефонный звонок. «Вы прокурор Березов?» – спросил неиз-

вестный. Услышав утвердительный ответ, незнакомец заявил: «Вы не прокурор, а адвокат Игонина. Смотрите, будет Вам то же, что и Игонину».

Березов подозревал, что звонок последовал от одного из сотрудников ОББ, которых мог проинформировать Ходос. Когда Березов сообщил об этом телефонном звонке и содержании разговора Надееву, тот наивно спросил: «Кто это мог звонить?».

После этих событий 19 декабря 1949 года Березов пишет официальную записку прокурору республики и требует немедленно изъять дело банды Кормакова у Ходоса и передать его другому следователю. Он считает Ходоса необъективным и поэтому полагает невозможным поручить ему окончание данного дела. Надеев накладывает резолюцию: «передать Чершинцеву». Однако дело передается не Чершинцеву, а Губерману – особо доверенному следователю Надеева, и то спустя 4–5 дней. Они не хотели, чтобы правда восторжествовала, не желали скандала, старались, чтобы брак в их работе не был доказан.

Также 19 декабря 1949 года Березов авиапочтой отправляет Генеральному прокурору СССР Сафонову спецзаписку. В ней заместитель прокурора республики подробно описывает обстоятельства дела и просит командировать 2–3 человека из Москвы для окончания дела и решения вопроса о других делах, по которым осуждены невинные.

28 декабря 1949 года Березов представляет секретарю Татарского Обкома ВКП(б) Лобкову подробную информацию: «О фактах незаконных арестов и осуждении граждан в органах Министерства внутренних дел и прокуратуре ТАССР». Такая же информация в январе 1950 года направляется Березовым секретарю ЦК ВКП(б) Пономаренко. Остановить Березова было невозможно.

Обратимся к письму Березова М.И. на имя секретаря ЦК ВКП(б) Пономаренко и приведем значительный отрывок из этого документа, имеющего важное значение для понимания того, что происходило тогда в прокуратуре.

«7 июля 1949 г. мною было принята гражданка Лакина ..., проживающая в Казани, с жалобой на действия органов МВД ТАССР. Лакина сообщила, что, по имеющимся у нее сведениям, в город Казань из мест заключения прибыл гражданин под кличкой «Петро», в прошлом судимый за бандитизм и воровство. Не имея права проживать в городе Казани, он стал близким к работникам МВД ТАССР, последние ему выдали новый паспорт и разрешили проживать в городе Казани.

Преступник «Петро» назначает места, где, якобы, должно быть совершено преступление, ставит об этом в известность работников МВД, которые прибывают в указанное «Петро» место для засады. А «Петро» к указанному месту засады работников МВД обманным путем подводит ребяташек, с которыми работники МВД производят произвол – избивают, убивают совсем или составляют уголовные дела и осуждают.

Так, по объяснению гражданки Лакиной, 11 декабря 1948 г. ее сын Панов, 1931 года рождения, пошел в кинотеатр «Электро» посмотреть кинокартину. На улице Баумана он встретил своего товарища по школе Дубровина. С Дубровиным их встретили два других знакомых, в том числе «Петро», предложили зайти на минуту в одну квартиру. Мальчики согласились, не успев войти в квартиру, они были обстреляны из той же квартиры работниками МВД, в результате чего один из мальчиков был убит, ее сын Панов ранен в ногу, а «Петро», как выяснилось на суде, говорит Лакина, «бежал» от конвоя, работника МВД Карпова.

Проверкой заявления гражданки Лакиной (основное дело по обвинению Панова и Дубровина, по которому они осуждены, первый на 15 лет, второй на 10 лет, находится у прокурора СССР на просмотре по жалобе Лакиной) я пришел к выводу, что некоторые работники МВД ТАССР с помощью отдельных работников прокуратуры республики Ходоса и Ривкина сфальсифицировали дело Панова и других, а затем через работника Верховного суда ТАССР Аппалонова добились обвинительного приговора.

7 июля мною было поручено и.о. начальника следственного отдела Курбангалееву принять меры к установлению «Петро» через следственный аппарат, а от министра внутренних дел ТАССР запросил выделенное из дела Панова и Дубровина дело по обвинению «Петро» в связи с его «побегом». Министр внутренних дел Ченборисов вместо немедленного представления дела на мой запрос, звонит мне по телефону с сообщением следующего содержания: «товарищ Березов, Вы запрашиваете у меня выделенное дело на скрывшегося «Петро». По оперативным соображениям я Вам его выслать не могу». На мое настойчивое требование выслать, Ченборисов заявил: «тогда вышлем прокурору Союза, и только через МВД СССР», — о чем мною доложено заместителю Генерального прокурора СССР товарищу Вавилову.

Характерно, что Надеев, будучи мною подробно информирован по этому делу, тогда же заявил мне: — «Ничего Вы тут не сделаете, дело на «Петро» нам не дадут из МВД», вместо немедленного реагирования.

Дело по обвинению Панова и Дубровина после органов МВД заканчивал опытный следователь прокуратуры города Казани товарищ Бакланов, по существу дела от которого я взял устное объяснение о причине не ро-

зыска и не привлечения «Петро». Товарищ Бакланов сообщил мне, что он пытался взять в МВД имеющиеся материалы на «Петро» с тем, чтобы его разыскать, так как дело без него направлять в суд было невозможно. Однако заместитель прокурора республики Ривкин категорически ему запретил не только искать «Петро», но даже им интересоваться. Мною был опрошен Ривкин, не усматривает ли он, что без привлечения «Петро» по делу Панова и Дубровина нельзя решить правильно дело последних. На это Ривкин мне сообщил, что «Петро» скрылся, что же касается Панова и Дубровина, то они привлечены и осуждены совершенно правильно, также правильно убит подросток Машурин Борис работниками МВД при задержании. Ривкин добавил, что лично он сам был на месте этого события.

Дело по обвинению Дубровина и Панова находится у прокурора Союза ССР с июля 1949 года, поэтому решить вопрос окончательно об их виновности или невиновности мне не представилось возможным. Кроме того, в этом воспрепятствовал Ченборисов, скрыв от меня ему известного «Петро».

Заявление гражданки Лакиной после предварительной проверки лично мною было частично подтверждено, это заставило меня критически относиться к работе заместителя прокурора по специальным делам Ривкина, который ведал отделом по надзору за органами милиции, а также к работе прокурора отдела по надзору за органами милиции прокуратуры ТАССР Ходоса.

Поскольку их роль, как прокуроров, по делу осужденных Панова и Дубровина не может быть признана государственной и так как прокурор республики Надеев не реагировал, как это требуется, на мою информацию о фактах нарушения социалистичес-

кой законности органами милиции по делу Панова и других, выразившихся в незаконном применении оружия, в результате чего был убит подросток Машурин, неправильного тенденциозного расследования дела и т.д., то есть такое отношение Надеева, дало мне основание полагать, что он знает о фактах нарушения законности работниками прокуратуры и милиции, однако мер для устранения нарушения закона и наказания виновных не принимает. Хотя знал Надеев и то, что у Ривкина и Ходоса взаимоотношения с работниками органов МВД основаны на очень подозрительно-близкой «товарищеской дружбе».

В августе месяце 1949 года в городе Казани при попытке задержать двух подозрительных лиц был убит постовой красноармеец, в связи с этим фактом мною, в то время исполняющим обязанности прокурора республики, было предложено заместителю прокурора Ривкину предъявить серьезные требования к работникам МВД, отделу ОББ, принять меры любым способом задержать преступников. После этого предложения через 2-е суток Ривкин информировал меня, что есть ряд косвенных улик на гражданина Кормакова, работающего начальником охраны гармонной фабрики города Казани, причем высказал мнение, что этих оснований к задержанию Кормакова за убийство красноармейца недостаточно.

Проанализировав все изложенное Ривкиным, я рекомендовал ему о даче указаний работникам ОББ МВД об аресте Кормакова.

Кормаков, будучи арестованным, признался, что он является организатором вооруженной банды, состоящей из группы в количестве четырех человек вместе с ним. Будучи арестованными, члены бандитской группы Кормаков, Матвеев, Петелин и Бабаев о своей преступной деятельности

дали подробные показания, из которых видно, что начиная с 1945 года по август 1949 года, в городе Казани существовала, беспрепятственно терроризировала трудящихся города путем убийств, грабежей, насилия, устойчивая, социально-опасная банда.

Дело по обвинению Кормакова и его соучастников в количестве 6 человек с августа месяца по декабрь 1949 года расследовал отдел ОББ МВД ТАССР, Опалев, Шахнин, Халецкий, Карпов и другие.

За расследованием дела осуществляли надзор заместитель прокурора республики Ривкин, прокурор отдела по надзору за органами милиции Ходос.

В совершенных зверских преступлениях бандиты Кормаков, Матвеев, Петелин и Бабаев (основные исполнители) признали себя виновными и дали соответствующие показания.

Так, на первый взгляд, правильно и объективно проведенное следственное дело об указанной группе преступников поступило в прокуратуру ТАССР из Министерства внутренних дел для окончания расследования и предания виновных суду.

Эту основную ответственную стадию расследования дела прокурор республики Надеев поручил выполнить Ходосу.

В процессе расследования дела Кормакова в отделе ББ МВД в начале октября или ноября месяца 1949 года ко мне на прием явился гражданин Игонин А.А., проживающий в городе Казани. Отец осужденного сына на 25 лет, Игонин заявил, что его сын, прослуживший вместе с ним 4 года в Советской армии, инвалид войны, осенью 1948 года незаконно арестован работниками МВД и незаконно осужден Верховным судом на 25 лет за то, что, якобы он с неизвестным 18 октября 1948 года в 11 часов ночи ограбил граждан Вайнштейна и Лю-

линскую, забрал ценности, их тяжело ранил и скрылся.

Игонин утверждает, что в тот вечер, когда совершено ограбление их соседей Вайнштейна, сын его был безотлучно дома, о чем знают посторонние люди, однако следствие этого не проверяло.

Для проверки правильности заявления отца осужденного Игонина, мною было истребовано из Верховного суда ТАССР дело по обвинению Игонина. Изучив его, я пришел к твердому убеждению, что оснований для осуждения гражданина Игонина у суда не было. Не было оснований и к задержанию Игонина, так как, кроме показаний потерпевшего Вайнштейна, который на вопрос: «кого Вы подозреваете», заявил на следствии и в суде, «по росту и хриплому голосу похож на Игонина» и других объективных данных, утверждающих о совершенном разбое, в деле нет.

В связи с этим мною лично было сообщено наблюдающему прокурору Ривкину, прокурору отдела Ходосу о наличии у меня жалобы отца осужденного Игонина с той целью, чтобы они вместе с работниками МВД допросили бандита Кормакова и других, на предмет проверки, не являются ли они исполнителями ограбления граждан Вайнштейна и Люлинской, за которые осужден к 25 годам ИТЛ демобилизованный из Советской армии Игонин.

Через непродолжительное время Ривкин и Ходос мне доложили, что бандиты Кормаков и Бабаев пытались взять на себя ограбление Вайнштейна, дали об этом показания, затем от данных показаний отказались, тут же добавили, что дело Игонина они хорошо знают и что Игонин осужден правильно, преступление совершил он, и нет сомнений к пересмотру дела Игонина.

Так как Игонин арестован, а затем осужден с помощью и согласия

Ривкина и прокурора отдела Ходоса, работников МВД Халецкого и Шахнина и других, кроме того, однажды работник МВД Халецкий позвонил мне по телефону с вопросом: «Вы интересуетесь делом Игонина, товарищ Березов? Это бандит, наверное, отец бандита все жалобы Вам подает, я как-нибудь зайду к Вам и расскажу, что это за семейка». Мною было сказано Халецкому, что «в Вашей информации я не нуждаюсь».

Все это вместе взятое дало возможность понять мне, что я имею дело с людьми, которые имеют своими действиями подрывать авторитет партии и советской власти в глазах трудящихся масс, путем фальсификации дел на честных граждан и на лиц, не совершивших приписываемых им тяжелых преступлений.

Я решил лично допросить бандитов Кормакова и Бабаева по эпизоду, относящемуся к ограблению гражданина Вайнштейна и его жены в октябре 1948 года, за что осужден Игонин к 25 годам лишения свободы.

Дважды допрошенные мною бандиты отрицали ограбление Вайнштейна. Под давлением имеющихся улик, что это сделали они, Кормаков и Бабаев в совершенном преступлении сознались и на мой вопрос, почему они сразу не дали правдивых показаний, заявили, что работники отдела ОББ МВД – Опалев, Шахнин, Халецкий, Карпов запретили им признаваться по делу ограбления Вайнштейна, а когда они об этом дали показания, то указанные работники предложили им отказаться от своих показаний, о чем хорошо было известно Ривкину и Ходосу.

Показания арестованных Кормакова и Бабаева мною перепроверены с обстоятельствами дела об ограблении Вайнштейна Игоными, которые полностью соответствуют, в связи с чем утверждаю, что Игонин привлечен и

осужден незаконно и к этому не было оснований. Имеющиеся в деле показания Игонина о том, что он совершил ограбление Вайнштейна, не соответствуют обстоятельствам дела. Хотя на следствии Игонин от своих показаний в этой части отказался, заявил, что он их давал под угрозой ареста отца и матери работниками МВД Халецким и другими. По вопросу фальсификации дела на Игонина подтвердил свидетель по делу Игонина – Ткаченко.

Выяснив и проверив обстоятельства, касающиеся осуждения Игонина, я решил допросить бандитов Кормакова и других, есть ли факты их преступной деятельности, о которых они не дали показаний в органах МВД или работники органов МВД им предложили от них отказаться, как и по делу ограбления Вайнштейна. Бандиты Кормаков, Бабаев, Петелин назвали мне преступления, совершенные ими, но работники МВД и наблюдающие прокуроры предложили им от них отказаться ...» (конец цитаты из письма Березова).

По мере расследования число преступлений банды Кормакова, за которые были осуждены невинные люди, увеличивалось. По данным Березова М.И., за преступления членов банды Кормакова были осуждены следующие невинные лица:

1. Игонин, 1923 года рождения, рабочий-электромонтер, участник Великой Отечественной войны, был привлечен к ответственности в октябре 1948 года по ст. 59-3 УК за то, что он, якобы совершил вооруженное нападение на граждан Вайнштейна и Люлинскую, ранил их из пистолета и ограбил выручку от ларька в сумме 5000 рублей.

Следствие вели работники ОББ. За следствием наблюдал и таковое заканчивал Ходос. Обвинительное заключение утвердил Ривкин. Верховный суд осудил Игонина на 25 лет ИТЛ, и

Игонин отбывает наказание уже полтора года.

Между тем Игонин этого преступления не совершал. Работники ОББ – Шахнин, Халецкий и другие, а также Ходос вели следствие необъективно и незаконными методами, организовали и использовали ложные показания свидетеля Ткаченко, представили суду ложную справку и Верховный суд политически беспечно отнесся к рассмотрению дела, проштамповал сфальсифицированные доказательства и невинно осудил Игонина.

2. Артиев, 1916 года рождения, рабочий-плотник, участник Великой Отечественной войны, не судим, и Чадаев, 1904 года рождения, рабочий-плотник, не судим, были привлечены к ответственности в ноябре 1946 года работниками по ст. 59-3 УК за то, что они, якобы, совершили вооруженное нападение на дом гражданина Заславского с целью ограбления квартиры, убили ребенка 4-х лет и нанесли тяжкие телесные повреждения до потери чувств и сознания двум взрослым Заславским. Подозрение пало на Чадаева и Артиева по той причине, что они ранее ремонтировали забор дома семьи Заславских.

Следствие вели работники ОУР МВД ТАССР – Иванов, Фридзон и другие. За следствием наблюдал и таковое заканчивал Ходос. Обвинительное заключение утверждал Ривкин. Верховный суд ТАССР осудил Артиева и Чадаева на 10 лет, а через 3 года и 7 месяцев Чадаев умер в заключении.

Между тем установлено, что Артиев и Чадаев этого преступления не совершали, работники ОУР и Ходос вели следствие необъективно и незаконными методами, довели Артиева до истощения и заставили признаться в несовершенном им бандитском нападении и оговаривать Чадаева, а Верхсуд, трижды получив на суде заявление Артиева о том, что его по-

казания были вынужденными, не проверил этого обстоятельства, слепо проштамповал сфальсифицированные доказательства и невинно осудил двух рабочих на 10 лет.

3. Поздняков, 1921 года рождения, и Белоусов, 1923 года рождения, в августе 1948 года были привлечены к ответственности по ст. 59-3 УК за то, что они, якобы, ограбили дом инкассатора Госбанка Попандопуло и убили семью из 6 человек.

Следствие вели работники ОББ. За следствием наблюдал, требования ст. 206 УПК выполнил, обвинительное заключение составил и обвинение на суде поддерживал Ходос. Верховный суд ТАССР осудил Позднякова и Белоусова на 25 лет ИТЛ каждого, и они оба полтора года отбывают наказание.

Между тем установлено, что работники ОББ вели следствие необъективно, Позднякова избивали, его родителей арестовали и над ними издевались, показания свидетелей искажали, а Верховный суд, получив в заседании суда заявления обвиняемых об избииении и об иных незаконных методах следствия, вместо того, чтобы организовать проверку, стал на путь лишения слова обвиняемых и угрозы удаления из зала суда, проштамповал все сфальсифицированные доказательства и без оснований осудил обвиняемых к 25 годам ИТЛ.

4. Ганин, 1927 года рождения, Потапов, 1918 года рождения, и Трудов, 1930 года рождения, в марте 1947 года были привлечены к ответственности по ст. 59-3 УК за бандитское нападение на дом Баранова и Алексеева, за ранение первого и избиеение второго.

Следствие вели работники ОББ. Арест всех санкционировал Ривкин, обвинительное заключение утвердил Надеев. Верховный суд осудил Ганина к 25 годам ИТЛ, а Потапова и Трудова – к 10 годам лишения свободы

каждого. Все они отбывают наказание около 2-х лет.

Между тем установлено, что Ганин, Потапов и Трудов этого преступления не совершали, что следствие велось необъективно.

5. Шмелев, 1924 года рождения, Носков, 1904 года рождения, и Семенов, 1909 года рождения, в июле 1948 года были привлечены к ответственности по ст. 59-3 УК за то, что они, якобы, в 1943 году совершили убийство и ограбление цыганки Богомоловой.

Следствие вели работники ОББ. Арест санкционировал Ривкин. Наблюдал за следствием, обвинительное заключение составил, и обвинение в суде поддерживал Ходос. Верховный суд осудил всех к 10 годам ИТЛ.

На суде обвиняемые заявили, что их на следствии избивали и заставили дать ложные показания, однако Верховсуд не только не проверил этого обстоятельства, но и по ходатайству Ходоса вынес еще определение о дополнительном привлечении обвиняемых к ответственности по ст. 95 УК – «за клевету». Это определение Ривкин направил для исполнения в МВД, в тот самый орган, на который обвиняемые, якобы, клеветали. Это же Министерство и вело следствие по «делу о клевете». Те же работники МВД, которые избивали обвиняемых, давали теперь показания в качестве свидетелей, что «мы, мол, не избивали» и этой комедии было достаточно для того, чтобы МВД привлекло обвиняемых за клевету на МВД. Народный суд оказался на высоте положения и оправдал обвиняемых по «делу о клевете».

6. Дубровин, 1930 года рождения, и Панов, 1931 года рождения, в декабре 1948 года были привлечены к ответственности по ст. 59-3 УК за то, что они с неизвестным лицом «Петро» совершили вооруженное нападение на дом гражданина Дегтярева с целью ограбления.

Следствие вели работники ОББ. Арест санкционировал и обвинительное заключение утвердил Ривкин, обвинение в суде поддерживал Ходос. Верховный суд осудил Дубровина и Панова к 18 и 15 годам ИТЛ. Однако из материалов дела видно, что следствие велось необъективно, организатором и инициатором бандитского нападения с провокационной целью являлся «неизвестный Петро», который, якобы, бежал от ОББ и материалы на которого, якобы, выделены в отдельное производство, но который в действительности является отбывающим наказание, дважды судимым вором и бандитом, с которым работники ОББ связались, и который по указаниям работников ОББ дает в любое время ложные показания против кого бы то ни было, и который не бежал, а укрывается от суда теми же работниками ОББ, которые надумали его совершить эту провокацию подростков.

К этому следует добавить, что в этой затеянной и исполненной работниками ОББ и бандитом «Петро» провокации работниками ОББ был убит наповал подросток Машурин, совершенно невинно и незаконно, и это гнусное и тяжелое преступление – убийство невинного подростка – лежит на совести ОББ и всего МВД и не может быть смыто никакими оправданиями.

Кстати сказать, министр Ченборисов и его заместители Павлинский и Бочков не нашли даже нужным и до сих пор никого за это преступление не наказали.

Для спасения же бандита «Петро» и выведения его из дела МВД сочло возможным давать в дело для суда фиктивные документы и даже направило в суд трех сотрудников Куприянова, Гурьянова и других, которые на суде дали ложные показания о том, что не было, якобы, четвертого преступника «Петро».

7. Блинников, 1915 года рождения, и Корнилов, 1927 года рождения, в мае 1947 года были привлечены к ответственности по ст. 58-8 УК за то, что они 27 апреля 1947 года, якобы, совершили убийство двух милиционеров. Следствие вели работники ОУР – Иванов, Терехов и другие. Военный трибунал В/МВД ТАССР осудил Блинникова и Корнилова к 25 годам ИТЛ каждого.

Между тем, установлено, что Блинников и Корнилов к этому преступлению не причастны, а работники ОУР Иванов, Терехов, Козлов и другие вели следствие необъективно, с использованием незаконных методов, избивали обвиняемых и их родственников, заставляли их давать ложные признания, организовывали ложные показания свидетелей и т.д. Имеются все основания утверждать, что Иванов и другие подбросили в уборную с целью создания доказательства пистолет и т.д.

Дополнительно добавим, что один из осужденных за ограбление и убийство семьи Попандопуло (август 1948 года) – Поздняков – умер в лагере. Обвиняемый по другому делу – Блинников, не выдержав избиений и издевательств, пытался в камере покончить жизнь самоубийством.

Отметим, что лишь единичные факты из этого списка Березова не подтвердились (или их просто не смогли доказать) и не вошли в окончательное обвинение членов банды Кормакова.

Согласно обвинительному заключению, в результате незаконных действий сотрудников ОББ и Ходоса были невинно осуждены всего 16 человек.

Основное обвинение в адрес Ходоса – это непринятие мер к пресечению беззаконий со стороны сотрудников ОББ. Указано, что Ходос не проверял, не рассматривал устные и письменные заявления арестованных о неза-

конных методах следствия, а также сам применял незаконные методы, в частности, нанес побои Поздняковой.

Ходос был арестован ночью 24 февраля 1950 года. В ходе следствия и в суде он признал себя виновным лишь в халатности. Всякие злоупотребления служебным положением, умышленные нарушения закона он отрицал. Ходос также отрицал и обвинение о том, что он лично применял насильственные действия против допрашиваемых.

Как следовало из допросов на следствии обвиняемых – сотрудников ОББ, Ходос всячески препятствовал установлению истины. В частности, когда выяснилось, что Артиев и Чадаев не причастны к ограблению Заславских, и нужно было арестовать сообщницу бандитов Кормакова и других – Визгалову, то Ходос в даче санкции отказал, и дал указание о пересоставлении постановления, исключив из него слова об изъятых вещах. Также Ходос присутствовал на допросах Кормакова и говорил ему, что тот врет.

Еще один штрих. 7 октября 1948 года Ходосу была объявлена благодарность прокурора РСФСР и выдана денежная премия за активное участие в расследовании ряда уголовных дел – убийства инкассатора Чистопольского отделения Госбанка и др. Причем, в этом приказе было отмечено активное непосредственное участие Ходоса в раскрытии и расследовании убийства семьи Попандопуло! То есть Ходос получил поощрение за то, что посадил за убийство Попандопуло невиновных людей!

Мы видим, что по большинству сфальсифицированных уголовных дел за ходом расследования надзирал именно прокурор Ходос. Он же, согласно уголовно-процессуальным нормам того времени, завершал расследование по этим делам и готовил дела для передачи их в суд. По от-

дельным делам он сам поддерживал в суде государственное обвинение. Обвинительные заключения по этим делам утверждал заместитель прокурора республики Ривкин, по одному уголовному делу – прокурор республики Надеев. Санкции на арест по всем этим делам давал Ривкин. Ходос докладывал об этих делах Ривкину и прикладывал все усилия, чтобы «протащить» их через суд, утвердить по ним приговоры.

Например, когда в суде рассматривалось уголовное дело по обвинению Позднякова, Белоусова и Шуркова (убийство в 1948 году семьи Попандопуло), Ходос предупредил начальника отдела ОББ о том, что мать обвиняемого Позднякова – очень крикливая женщина, может прийти в суд, поднять шум и отрицательно воздействовать на судей своими заявлениями о невиновности сына. Ходос предложил: «В день суда вызовите ее в ОББ и продержите». Сотрудники ОББ так и сделали. Мать Позднякова целый день продержали в ОББ и в суд она не попала.

В период проведения Березовым проверки Ходос оставался на своей должности и всячески старался воспрепятствовать установлению истины. В конце декабря 1949 года Березов узнал, что в отделе по надзору за органами милиции на столе у Ходоса лежит без движения уголовное дело об убийстве гражданки Трушиной, труп которой еще в декабре 1948 года нашли в полуподвальном помещении ГИДУВа.

10 января 1950 года Ходос был отстранен от работы в отделе – за неудовлетворительное расследование дела о смерти Трушиной от криминального аборта. Это дело лежало у Ходоса без движения почти год и, очевидно, стало формальным поводом для того, чтобы отстранить Ходоса от надзорной работы.

В феврале 1950 года прокурор Татарской АССР Надеев И.С. был освобожден от занимаемой должности (8 июня 1950 г. его арестуют по другому делу, за получение взятки, приговор – 10 лет лишения свободы). Березов М.И. становится исполняющим обязанности прокурора ТАССР и доводит начатое до конца.

Как установил Березов, для фальсификации уголовных дел работники милиции нередко использовали своих агентов из числа настоящих уголовников. В связи с необходимостью вербовки такой агентуры сотрудники ОББ практиковали досрочное освобождение из мест лишения свободы осужденных с недоотбытым сроком. Такие решения санкционировал министр МВД ТАССР или его заместитель.

Про агента «Петро» мы уже говорили. Другой агент ОББ Дацко, по кличке «Хмурый», был освобожден из мест лишения свободы для работы в городе Казани среди уголовного элемента. В уголовном деле имеется характеристика, составленная сотрудником ОББ на агента «Хмурого». Агент характеризовался очень хорошо. Правда, имел недостаток «давать ложь». Комментарии, как говорится, излишни. Дацко был расконвоирован в 1948 году по санкции заместителя министра Павлинского. Сотрудничая с ОББ, Дацко давал провокационные материалы. Он же по заданию сотрудников ОББ, будучи посаженным в камеру внутренней тюрьмы, избивал следственно заключенных, добиваясь от них вымышленных признаний в совершении преступлений. В частности, в ночь на 5 сентября 1948 года на току колхоза «Кзыл-Юл» Юхмачинского района было совершено убийство двух охранников тока. По подозрению в совершении этого преступления арестовали пять человек – председателя колхоза, завхоза, двух

охранников и конюха. Из них трое как на следствии, так и на суде вину не признали, двое дали признательные показания. Сроки всем дали большие – троим по 25 лет, двум другим – 6 и 10 лет лишения свободы.

Однако впоследствии оказалось, что по данному делу сотрудники ОББ применяли в отношении подозреваемых недозволенные методы следствия – рукоприкладство, «стойки», лишение пищи в течение нескольких суток, угрозы расстрелом с демонстрацией огнестрельного оружия. Кроме этого, один из арестованных был посажен в камеру вместе с агентом ОББ Дацко. По заданию сотрудника ОББ Шахнина агент Дацко трижды избивал арестованного по этому делу Ситдикова, добиваясь от него признаний в несовершенном убийстве. Более того, когда в марте 1949 года данное дело рассматривалось Военным трибуналом, Дацко по заданию сотрудника ОББ Халецкого выступал в судебном заседании в качестве свидетеля и давал ложные показания о причастности обвиняемых к убийству.

В феврале 1950 года указанный приговор по заключению Генерального прокурора СССР был отменен Военной коллегией Верховного суда СССР по вновь открывшимся обстоятельствам. Впоследствии уголовное дело было прекращено. Вот такими методами «раскрывались» преступления.

Заместитель министра МВД ТАССР Павлинский, который осуществлял руководство отделом ОББ, был привлечен к партийной ответственности за то, что в 1948–1949 годах дал санкцию на расконвоирование двух заключенных, в том числе и Дацко, с целью использования их в оперативной работе. Павлинский также утверждал постановления на арест Игонина, Позднякова, Белоусова и других, которым были приписаны

преступления, фактически совершенные бандой Кормакова.

К уголовной ответственности, кроме Ходоса, были привлечены работники ОББ МВД ТАССР начальник отдела Опалев (ранее награжденный орденами Ленина, Красного Знамени!), а также Шахнин, Халецкий, Карпов и другие. Также прокуратурой был арестован агент ОББ Дацко.

В марте 1951 года Ходос был осужден военным трибуналом войск МВД Приволжского округа по ст. 109 Уголовного кодекса РСФСР за злоупотребление властным или служебным положением к 10 годам лишения свободы. Вместе с ним были осуждены и сотрудники отдела по борьбе с бандитизмом. Ходос обжаловал приговор, но Военная коллегия Верховного Суда СССР оставила приговор без изменения.

В этот период на Березова шла самая настоящая атака. Основной метод – анонимки. В частности, в ноябре 1950 года в Татарский обком партии поступила анонимка о якобы имевших место злоупотреблениях Березова в период его работы прокурором Таганрога. О чем только ни писали доброжелатели – даже о том, что прокурор Березов, будучи за рулем автомашины, задавил мальчика и т.д. Из Татарского обкома письмо направили для проверки в Таганрог. Однако все красочно описанные злоупотребления и нарушения Березова не подтвердились.

Как вспоминает Железнов Б.Л., заместитель прокурора республики Березов был честным, порядочным человеком, преданным своему делу. У него был прямой, мужественный характер. Он твердо и уверенно вел себя и в отношениях с высоким партийным руководством. Однажды в присутствии Железнова Березов достаточно резко поговорил по телефону с какой-то ответственной дамой (кажется, из

обкома партии). Женщина возмутилась: «Почему вы разговариваете со мной в таком тоне?». Березов ответил коротко: «Потому что я прокурор». Он не юлил, не заискивал, вел себя всегда достойно и уверенно.

Ходос же, по мнению Б.Л. Железнова, угодил в эту историю в значительной мере из-за своего панибратства с высокими чинами МВД.

В расследовании по делу банды Кормакова участвовали следователи прокуратуры города Казани Галимов и Бакланов. В апреле 1950 года Березов пригласил Галимова к себе и предложил изучить многотомное уголовное дело, которое к тому времени расследовал старший следователь Губерман (его потом арестовали по делу прокурора республики Надеева за получение взятки и осудили). Березов сказал тогда Галимову: «Вы новый человек в прокуратуре, поэтому расследование поручаю Вам». Несмотря на молодость, Ш.М. Галимов выделялся своей принципиальностью. Следствие завершали следователи из Москвы.

Ш.М. Галимов впоследствии вспоминал, как из зоны (с острова Находки) в Казань привезли мужчину, необоснованно осужденного за одно из преступлений банды Кормакова. Крепкий, коренастый мужчина средних лет, после объявления ему решения о прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления и об освобождении из-под стражи, упал и стал биться в истерике, плача и восклицая: «Справедливость есть! Справедливость есть!»⁶.

Дело Ходоса – весьма характерное, поучительное дело. Оно является предостережением для любого прокурорского работника и, в первую очередь, – для тех, кто осуществляет надзор за деятельностью органов МВД, следствием и дознанием, оперативно-розыскной деятельностью.

Прокурору надо выстраивать отношения с сотрудниками полиции строго в рамках закона и ни в коем случае не закрывать глаза на любые нарушения с их стороны. Дружеские, хорошие отношения не должны вредить надзору и затуманить глаза прокурора. В этой сфере особенно важно строгое соблюдение принципа законности, с категорическим исключением всяких соображений, рассуждений о целесо-

образности, о раскрытии преступлений «любой ценой».

Когда читаешь про дела, подобные делу Ходоса, узнаешь о чудовищных ошибках следствия и суда, то совсем по-другому воспринимаешь известную истину о том, что лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невиновного. И это действительно так. Не забывайте об этом, молодые (да и немолодые) прокуроры!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Татарстан. Казанский юридический институт. Фонд Р-5799, опись 3 л, дело 7354.

² Национальный архив Республики Татарстан. Прокуратура Татарской АССР. Фонд Р-6948, опись 9, дело 443. Личное дело Ходоса А.М.

³ Самосов Н.М. Мы и наше время. – Казань, 2007. – С. 19–20.

⁴ ЦГА ИПД РТ. Первичная партийная организация прокуратуры ТАССР. Фонд 968, опись 1, дело 74. Характеристики... 1950 г.

⁵ Беляев М.В. Охота на волков // Эхо веков. – 2012. – № 1-2. – С. 255–264.

⁶ Жизнь мы прожили не зря. Воспоминания ветеранов прокуратуры. – Казань: Мастер Лайн. – 2001. – С. 20–25.

Аннотация

В статье рассказывается об уголовном деле по обвинению работника прокуратуры Татарской АССР Ходоса А.М., по вине которого в 50-е годы прошлого века были осуждены невиновные люди.

Ключевые слова: история прокуратуры Татарской АССР, дело прокурора Ходоса А.М., дело по банде Кормакова, необоснованное привлечение к уголовной ответственности.

Summary

The article describes a criminal case on charges of TASSR Prosecutor Khodos A.M., by whose fault in 50th years of the last century for an uncommitted crime were convicted innocent people.

Key words: history of TASSR Prosecutor's Office, the case of the Prosecutor Khodos A.M, case of Kormakov's gang, unjustified criminal prosecution.